

ВОЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ XVI-XVII ВВ. И ЕЕ ИЗУЧЕНИЕ В ЗАРУБЕЖНОЙ И РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI ВВ.¹

В.В. ПЕНСКОЙ

Белгородский
Государственный
университет,
e-mail: penskoy@bsu.edu.ru

На протяжении долгого времени изучение военного дела как составной части культуры человеческого общества, оставалось на периферии интересов профессиональных зарубежных и в особенности отечественных историков. Это мешало им оценить действительное влияние развития военного дела на эволюцию государства и общества, ход которой особенно ускорился на рубеже позднего Средневековья – раннего Нового времени. Широкое распространение огнестрельного оружия привело к перевороту в военном деле. Это повлекло за собой серьезные перемены в политическом, экономическом, социальном устройстве сначала западноевропейского общества, а затем и его соседей. Термин «военная революция» для обозначения этого переворота был введен британским историком М. Робертсом в 1955 г. С тех пор концепция «военной революции» заняло прочное место в западноевропейской и американской историографии, обретя как своих сторонников, так и противников. Дискуссия вокруг этого исторического феномена способствовала привлечению внимания к проблеме изучения войны как феномена культуры. В статье отражены основные аспекты изучения концепции военной революции и нынешнее состояние проблемы как в зарубежной, так и в отечественной историографии.

Ключевые слова: Европа и Россия в раннем Новом времени, военная революция, отечественная и западная историография о проблемах развития военного дела в раннем Новом времени.

Война и военное дело в истории человеческого общества занимают большое место. Классическая политическая история предстает перед нами как вереница войн, прерываемых короткими периодами мира, использовавшимися обычно для подготовки к новой войне.

Значение войны велико. Она не только служит мерилom прочности и отдельного человека, и целого социума, но и, как это ни парадоксально, часто выступала одним из важнейших двигателей политического и социально-экономического прогресса. Почему? Ответом на этот вопрос может служить классическое определение войны, данное прусским военным теоретиком К. Клаузевицем: «...Война есть...подлинное орудие политики, продолжение политических отношений другими средствами»². Армия всегда выступала как один из важнейших инструментов правящей элиты общества по реализации своих политических замыслов. Успех же их выполнения прямо зависел от уровня развития военного дела. Стремление не отстать от возможных противников неизбежно стимулировало прогресс в этой сфере, немыслимый без поступательного движения вперед и в остальных областях жизни государства и общества. Необходимость соответствовать последним требованиям в военной сфере неизбежно влекла за собой перемены в политическом и социально-экономическом строе социума. Особенно быстро развивалось военное дело в переломные моменты истории.

Период с середины XV по XVIII вв. в этом отношении является одним из наиболее показательных. На мировой сцене сменилось главное действующее лицо. Лидировавший до этого Восток превратился в отстающий, стагнирующий регион, который рассматривался новым мировым лидером, Западом, как объект разрешения своих проблем. Завоеванное европейцами военное превосходство способствовало, по

¹ Статья подготовлена при поддержке при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МД-1685.2005.6 и внутривузовского гранта БелГУ 2007 г. ВКГ 1281-07.

² Клаузевиц К. фон. О войне. Т. 1. М. СПб., 2002. С.47.

замечанию американского историка У. Мак-Нила, «смыканию всепланетной ойкумены», в результате чего «мировая история получила новую размерность».³ Активизировавшиеся связи между континентами и народами содействовали более интенсивному, нежели ранее, трансферу информации, и обострению межгосударственной конкуренции. Это способствовало развитию экономики, науки и техники в западном мире, что дало в руки европейским политикам и военным необходимые средства для поддержания необходимого уровня военной мощи для защиты своих глобальных интересов. Стремление сохранить достигнутое военное превосходство стимулировало дальнейшее развитие военных технологий и военной мысли.

Серьезные изменения в тактике и стратегии европейских армий, вызванные внедрением огнестрельного оружия, были отмечены европейскими учеными и специалистами достаточно давно, еще в конце XV – начале XVI вв. Однако термин «Военная революция» применительно к этим переменам ввел в научный оборот в 1955 г. английский историк М. Робертс⁴. По словам другого британского историка, Дж. Паркера, он выдвинул идею в высшей степени «оригинальную, важную и несомненно своеобразную для изучения развития искусства войны в постренессансной Европе»⁵.

Суть идеи Робертса в следующем: на исходе Средневековья в военном деле Европы произошли серьезные перемены, заслуживающие того, что назвать их «военной революцией». «Эта революция, когда она завершилась, оказала глубокое влияние на общее генеральный курс европейской истории. Это событие стало своего рода водоразделом между средневековым миром и миром современным»⁶. Анализируя сущность произошедших в военном деле Западной Европы между 1560 и 1660 гг. перемен, М. Робертс указывал, что этот переворот «...являлся еще одной попыткой разрешить постоянную проблему тактики – как соединить метательное оружие и рукопашную схватку, как объединить ударную мощь, подвижность и защитную силу». В конечном итоге он привел к рождению новой, линейной тактики⁷. Изменения в тактике, повлекли в свою очередь, рост требований к дисциплине и качеству обучения солдат и офицеров: «Армия перестала быть швейцарской грубой массой или средневековым обществом агрессивных одиночек-профессионалов; она стала хорошо устроенным организмом, каждая часть которого повиновалась импульсам, спускавшимся сверху...»⁸. Прежние наемные армии, «покупаемые» на время кампании, были заменены армиями постоянными. Как следствие, ведение войны было монополизировано государством, ибо только оно «...могло мобилизовать необходимые административные, технические и финансовые ресурсы, требуемые для крупномасштабных военных действий...». Монополизация права ведения войны государством выразилась прежде всего в появлении «...новых административных методов и стандартов; новой администрации, с самого начала королевской, централизованной...»⁹.

Новая война способствовала резкому возрастанию военных расходов. Пытаясь разрешить эту проблему, монархи Европы в конечном итоге пришли к мысли о необходимости получить свободу от сословно-представительных учреждений в финансовых вопросах. В каком-то смысле они нашли понимание у самого общества, которое согласилось пожертвовать прежними средневековыми «вольностями» в обмен на безопасность, предоставляемую постоянной армией, находившейся под жестким контролем сильной королевской власти¹⁰.

Но и это еще не все. М. Робертс также предположил, что внедрение в военную практику Европы огнестрельного оружия и его широкое распространение привело к

³ Мак-Нил У. Восхождение Запада. Киев – М., 2004. С.741, 747.

⁴ Roberts M. The Military Revolution, 1560-1660 // Roberts M. Essays in Swedish History. L., 1967. P.195-225.

⁵ Parker G. The "Military Revolution," 1560-1660 – a Myth? // The Journal of Modern History. Vol. 48. № 2 (June 1976). P.195.

⁶ Ibid. P. 195.

⁷ Ibidem. P.196.

⁸ Ibidem. P.198.

⁹ Ibidem. P.205.

¹⁰ Ibidem. P.207-208.

радикальным переменам в жизни Европы, которые изменили ее лицо и заложили основы современного европейского общества и преодолевающих его проблем¹¹.

Выдвинутая М. Робертсом идея вызвала большой интерес и легла в основу многих исторических исследований 60-х – начала 70-х гг. XX вв., посвященных истории Западной Европы XIV – XVIII вв.¹² «В течение нескольких лет в известной степени туманная концепция военной революции, – по словам американцев Б. Хэлла и К. ДеВриса, – стала новой ортодоксией в истории Европы на заре Нового времени»¹³. Сам М. Робертс писал в 1995 г. Дж. Паркеру, что не ожидал такого эффекта от обычной лекции в провинциальном университете и не мог даже надеяться, что ему удастся внести в историческую науку нечто новое¹⁴.

Однако первая увлеченность новой концепцией прошла к середине 70-х гг. XX в. К этому времени выросло новое поколение историков, появились новые идеи, накопились новые материалы, требовавшие осмысления и интерпретации. Стало очевидным, что гипотеза Робертса нуждается в корректировке.

Начало этому процессу положил английский историк Дж. Паркер своей программной статьей «Военная революция» 1560-1660 – миф?». В ней Дж. Паркер, согласившись с четырьмя ключевыми, по его мнению, тезисами Робертса о военной революции, задался вопросом: «Могут ли эти утверждения быть изменены в современных условиях?»¹⁵.

Ответ на него был утвердительным. Во-первых, по мнению Дж. Паркера, 1560 г., выбранный Робертсом в качестве отправной точки военной революции, не совсем удачен, так как признаки, присущие армиям Нового времени, можно найти уже в *кондоттах* ренессансной Италии. Вместе с тем военная революция не закончилась и в 1660 г. Поэтому Дж. Паркер предложил расширить ее временные рамки с 1530 по 1710 гг. Во-вторых, Паркер, признавая революционность вклада, сделанного Морицем Оранским и Густавом-Адольфом в развитие западноевропейского военного дела, подчеркнул необходимость отдать должное их предшественникам – к примеру, испанским военными теоретикам и практикам XVI в. Кроме того, он обратил внимание на целый ряд военно-технических новшеств, оказавших значительное влияние на развитие военного дела в XVI в., и, прежде всего, на новую систему фортификации, *trace italienne*¹⁶.

Свое видение проблемы военной революции, конспективно изложенное в этой статье, Паркер развил в фундаментальной монографии «The Military Revolution. Military innovation and the Rise of the West, 1500-1800»¹⁷ и в серии отдельных статей¹⁸. Он обстоятельно изложил все доводы «за», при этом придав большую стройность и определенность концепции М. Робертса. Предложенная Паркером новая трактовка концепции Робертса в сжатом виде может быть представлена так: «Трансформация военного дела в Европе на заре Нового времени включала в себя три основных компонента – широкое использование огнестрельного оружия, распространение новых систем фортификации и рост численности армий...»¹⁹. Эти три инновации повлекли за собой все остальные новшества – сперва в военном деле, а затем и в политическом, социальном,

¹¹ Ibidem. P.213, 218.

¹² См., например: Bean R. War and Birth of the Nation State // The Journal of Economic History. Vol. 33. № 1 (Mar., 1973). P. 203-221; Clark G. War and Society in the Seventeenth Century. Cambridge, 1958; Howard M. War in European History. L. 1976; McNeill W. The Rise of the West. A History of Human Community. Chicago, 1963 (русский перевод: Мак-Нил У. Восхождение Запада. История человеческого сообщества. Киев - М., 2004) и др.

¹³ Hall B.S., DeVries K.R. The Military Revolution Revisited // Technology and Culture. № 31. 1990. P.500.

¹⁴ Parker G. The "Military Revolution" 1555-2005: from Belfast to Barcelona and the Hague // The Journal of Military History 69 (January 2005). P.209.

¹⁵ Parker G. The "Military Revolution," 1560-1660 – a Myth? // The Journal of Modern History. Vol. 48. № 2 (June 1976). P.197.

¹⁶ Ibid. P.198-199, 203-204, 223.

¹⁷ Parker G. The Military Revolution. Military innovation and the Rise of the West, 1500-1800. Cambridge, 1988.

¹⁸ См., например: Parker G. The "Military Revolution" 1555-2005: from Belfast to Barcelona and the Hague // The Journal of Military History. № 69 (January 2005). P.205-209.

¹⁹ Parker G. The Military Revolution. Military innovation and the Rise of the West, 1500-1800. Cambridge, 1988. P.43.

экономическом и культурном устройстве западноевропейского общества. В таком виде обновленная концепция военной революции привлекла к себе многих молодых историков²⁰.

Выступление британского историка в защиту концепции Робертса послужило началом новой оживленной дискуссии вокруг этой проблемы. С неослабевающей силой она продолжается и сегодня, захватывая все новые и новые аспекты перемен в военном деле XV – XVIII вв.²¹. В том, что внедрение огнестрельного оружия в повседневную военную практику Запада (а затем и Востока) имело весьма и весьма серьезные последствия – с этим согласны все. Однако мнения историков расходятся по нескольким основным пунктам: являлись ли эти перемены действительно революционными, каков их временной и пространственный охват и в чем заключались их последствия как для истории Европы, так и для всего мира.

Противники Робертса и Паркера считают, что для описания характера этих перемен термин «революция» не подходит из-за их растянутости во времени и очевидного «размывания» первоначально стройной и логичной идеи. Они скорее являются сторонниками постепенного изменения западноевропейского военного дела в рассматриваемый период. Так, Дж. Хэйл предложил использовать для описания процессов эволюции военного дела в позднем Средневековье и в начале Нового времени термин «военная эволюция», поскольку, по его мнению, процесс перемен в военной сфере оказался слишком растянут во времени²². Другой «эволюционист», Дж. Линн, выдвинул оригинальную гипотезу поэтапного развития европейского военного дела от эпохи Средневековья до наших дней²³.

Анализируя развитие европейского военного дела в это время, он отмечал, что для изучения особенностей военного строительства намного более важным представляется исследование таких аспектов, как способы комплектования вооруженных сил, их организация, проблемы мотивации и морального духа, состояние командования, формы оплаты военнослужащих и отношения армии к обществу и власти²⁴. Технологические и тактические новшества, на которые делают упор сторонники военной революции, на взгляд Линна, конечно же важны, но по отношению к названным выше аспектам второстепенны²⁵. Не стоит преувеличивать, по его мнению, и роль Морица Оранского и Густава Адольфа как родоначальников новой тактики. Как указывал историк, армия

²⁰ См., например: Childs J. The Military Revolution I: The Transition to Modern Warfare // The Oxford Illustrated History of Modern War. Oxford, 1997. P.19-34; Croxton D. A Territorial Imperative? The Military Revolution, Strategy and Peacemaking in the Thirty Year War // War in History. 1998. №5 (3). P.253-279; DeVries K. Gunpowder Weaponry and the Rise of the Early Modern State // War in History. 1998. №5 (2). P.127-145; Palmer M.A.J. The "Military Revolution" Afloat: the Era Anglo-Dutch Wars and the Transition to Modern Warfare at Sea // War in History. 1997. №4 (2). P.123-149; Roy K. Military Synthesis in South Asia: Armies, Warfare and Indian Society c. 1740-1849 // The Journal of Military History. Vol. 69. (July, 2005). P.651-690; Wood J.B. The King's Army. Warfare, soldiers and society during the Wars of Religion in France, 1562-1576. Cambridge, 1996 и др.

²¹ Обзор основных направлений развития западной исторической мысли в этом вопросе см.: Frost R.J. The Polish-Lithuanien Commonwealth and the "Military Revolution" // Poland and Europe: Historical Dimensions. Vol 1. Selected Essays from the Fiftieth Anniversary International Congress of the Polish Institute of Arts and Sciences of America. N.Y., 1993. P.19-23; Lynn J.A. Review Essay: Clio in Arms: the Role of the Military Variable in Shaping History // The Journal of Military History. Vol.55. №1 (Jan., 1991). P.83-95; Parrott D. The Constraints on Power: Recent Works on Early Modern European History // European History Quarterly. 1990. Vol. 20. P.101-108; Rogers C.J. The Military Revolution in History and Historiography // The Military Revolution Debate. Boulder-Oxford, 1995. P.3-7 и др.

²² Hale J.R. War and Society in Renaissance Europe, 1450-1620. N.-Y., 1985. P.46.

²³ Lynn J.A. The Evolution of Army Style in the Modern West, 800-2000 // The International History Review. – XVIII. №3 (Aug., 1996). P.509.

²⁴ В этом с ним солидарен и Г. Ротенберг, отмечавшим чрезвычайную важность введения в новых армиях жесткой дисциплины и регулярной муштры (См.: Rothenberg G. Maurice of Nassau, Gustavus Adolphus, Raimondo Montecucoli, and the «Military Revolution» of the Seventeenth Century // Makers of Modern Strategy from Machiavelli to the Nuclear Age. Princeton, 1986. P.35).

²⁵ Lynn J. The Trace Italienne and the Growth of Armies: The French Case // The Journal of Military History. Vol. 55. №3 (Jul., 1991). P.323.

Генриха IV французского раньше и независимо от голландцев и шведов стала использовать элементы линейной тактики²⁶.

Правда, стоит отметить, что такой радикализм не встретил поддержки среди основной массы специалистов. Однако он способствовал дальнейшему «размыванию» временных и территориальных рамок военной революции²⁷. Так, по мнению К. Роджерса, с XIV по XVII вв., европейское военное дело пережило четыре военных революции: «пехотную», «артиллерийскую», «артиллерийско-крепостную» и собственно «военную»²⁸. Кроме того, по мнению многих историков, рассматривая эту проблему, не стоит замыкаться только европейскими рамками, а необходимо изучить изменения в военном деле в других регионах мира, имевших место в это же время, а также их взаимовлияние²⁹. Некоторые же, как, например, М. Прествич, и вовсе полагают, в чем-то смыкаясь с «эволюционистами», что военная революция XV-XVIII вв. стала естественным продолжением средневековой военной революции конца XII – 40-х гг. XIV вв.³⁰

Спорным и неоднозначным выглядит, по мнению ряда современных историков, и вопрос о степени влияния перемен в военной сфере на заре Нового времени на политическое и социальное устройство европейских государств. Если с точки зрения сторонников военной революции необходимость создания сильных и многочисленных постоянных армий стимулировало процессы становления сильной власти и рождение абсолютистских монархий Нового времени, то, к примеру, Н. Хеншелл полагает, что все было с точностью до наоборот³¹.

Таким образом, можно заключить, что разброс мнений в западной историографии по проблеме военной революции к настоящему времени достаточно велик. Очевидно, что эти разброд и шатание обусловлены тем, что в основу концепции Робертса легли результаты его многолетних изысканий по истории Швеции XVII в.³² Привлечение же материалов из других регионов Западной Европы давало неожиданные результаты, с трудом поддающиеся истолкованию в духе «ортодоксальной» теории военной революции³³.

В еще большей степени это относится к периферии Западной Европы. Это касается, к примеру, Османской империи, военное дело которой стало предметом

²⁶ Lynn J.A. Tactical Evolution in the French Army. 1560-1660 // French Historical Studies. Vol. 14. Issue 2 (Autumn, 1985). P.176-191. И Дж. Линн не одинок в этом мнении. Так, английский историк Р. Бржезинский полагает, что Густав-Адольф король больше заслуживает внимания как государственный и политический деятель, нежели как полководец и военный реформатор, славу которых он заслужил только в результате стечения обстоятельств (См: Brzezinski R. The Army of Gustavus Adolfus (2): Cavalry. Oxford, 1993. P.34-35).

²⁷ См., например: Black J. European Warfare 1494-1660 and the Military Revolution // History Review. March 2003. P.47-52; The Medieval Military Revolution: State, Society and Military Change in Medieval and early Modern Europe. L., 1998 и др.

²⁸ Rogers C.J. The Military Revolution of the Hundred Years' War // The Journal of the Military History. Vol. 57. №2 (Apr., 1993). P.276.

²⁹ Childs J. The Military Revolution I: The Transition to Modern Warfare // The Oxford Illustrated History of Modern War. Oxford: Oxford University Press, 1997. P.19-34; Black J. European Warfare 1494-1660 and the Military Revolution // History Review. March 2003. P.47-52; Black J. European Warfare 1660-1815. New Haven-London, 1994 и др.

³⁰ Prestwich M. Armies and Warfare in the Middle Ages. The English Experience. New Haven & London, 1996. P.345-346.

³¹ Хеншелл Н. Миф абсолютизма. Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени. СПб., 2003. С.10-11, 228-240.

³² Roberts M. From Oxenstierna to Charles XII. Four Studies. Cambridge, 1991; Roberts M. The Swedish Imperial Experience 1560-1718. Cambridge, 1979 и др.

³³ См., например: Hellie R. Enserfment and Military Change in Muscovy. Chicago-London, 1971. P.57. В этом плане заслуживают внимания работ британского историка Р. Фроста (См., например: Frost R.J. The Polish-Lithuanien Commonwealth and the "Military Revolution" // Poland and Europe: Historical Dimensions. Vol. 1. Selected Essays from the Fiftieth Anniversary International Congress of the Polish Institute of Arts and Sciences of America. N.Y., 1993. P.19-47; Frost R.J. The Northern Wars 1558-1721. L. N.-Y., 2000). Признавая в целом существование отдельных признаков военной революции в Речи Посполитой в середине XVI – середине XVII вв., он подчеркивал и существенные ее отличия картины от «классических» в этом отношении Швеции и Голландии.

пристального внимания историков относительно³⁴. Однако уже сейчас очевидно, что укрепившееся в западной и отечественной историографии мнение об отсталости и примитивности османского военного дела применительно к рассматриваемому периоду явно ошибочно и османы также вступили на путь военной революции, хотя в силу ряда причин не смогли завершить его³⁵.

Тоже самое можно сказать и о развитии военного дела в Восточной Европе, прежде всего в России. Вызвано это, по нашему мнению, скорее всего тем, что «*rossica non leguntur*». Как правило, западные историки, исследуя проблемы развития военного дела в рассматриваемый период на периферии Западной Европы, редко прибегают к документам и тем более к материалам «туземных» архивов и опираются обычно на исследования местных специалистов без стремления как-то иначе интерпретировать приводимые ими сведения. Поэтому их работы носят обычно вторичный характер³⁶. Между тем проблемы изучения истории, к примеру, русского военного дела допетровского времени, никак нельзя полагать в числе приоритетных тем отечественной исторической науки. Серьезные исследования по данной проблеме можно пересчитать буквально на пальцах одной руки и все они вышли достаточно давно³⁷. Советские историки не проявили в свое время большого интереса к проблеме военной революции, что выглядит более чем странным, поскольку многие аспекты, связанные с ней, были достаточно подробно разработаны и дореволюционными отечественными военными историками³⁸, и одним из основоположников марксизма Ф. Энгельсом³⁹. При этом он не раз использовал для характеристики этих перемен прилагательное «революционный»⁴⁰. Однако немногие из советских историков, занимавшихся военно-историческими исследованиями, в лучшем случае ограничились лишь описанием перемен в отечественном военном деле в XV – XVIII вв., не вдаваясь в их анализ и уж тем более не замечая бурных дискуссий, развернувшихся вокруг проблемы военной революции в западной исторической науке⁴¹. Вызвано это, как нам представляется, это связано с общим пренебрежением отечественной исторической науки к военной истории как «уделу» историков-военных и с определенной изоляцией ее от исторической науки западной. В итоге проблема военной революции в отечественной историографии практически не разработана. Впервые о ней заговорил в конце 90-х гг. минувшего столетия А.Б. Каменский⁴². Однако потребовалось еще несколько лет, прежде чем концепция военной революции была наконец замечена отечественными историками. Правда, на первых порах упоминания о военной революции и появились в работах

³⁴ См., например: Agoston G. *Guns for the Sultan. Military Power and Weapon Industry in the Ottoman Empire*. Cambridge, 2005; Murphey R. *Ottoman warfare 1500-1700*. New Brunswick, 1999 и ряд др.

³⁵ См.: Пенской В.В. Военная революция и развитие военного дела в Османской империи в XV – XVII вв. // *Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: история и современность*. 2007. № 6. С.30-40.

³⁶ Характерные примеры таких «вторичных» работ: Keep J.L. *Soldiers of the Tsar. Army and Society in Russia 1462-1874*. Oxford, 2002; Davies B. *Village into Garrison: The Militarized Peasant Communities of Southern Muscovy* // *Russian Review*. Vol. 51. No. 4 (Oct., 1992). P.481-501. Редкое исключение из общего правила: Paul M. *The Military Revolution in Russia, 1550-1682* // *The Journal of Military History*. № 68 (January 2004). P.9-45.

³⁷ Наиболее крупной работой, своего рода энциклопедией русского военного дела в допетровское время по праву считается монография А.В. Чернова: Чернов А.В. *Вооруженные силы русского государства в XV-XVII вв.* М., 1954. См. также: Калинычев Ф.И. *Правовые вопросы военной организации Русского государства второй половины XVII века*. М., 1954.

³⁸ См., например: Масловский Д.Ф. *Строевая и полевая служба русских войск времен императора Петра Великого и императрицы Елизаветы*. М., 1883; Пузыревский А.К. *Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого*. СПб., 1889 и др.

³⁹ Энгельс Ф. *Армия* // Маркс К. Энгельс Ф. *Сочинения*. Т. 14. М., 1959. С.5-50; его же. *Артиллерия* // Маркс К. Энгельс Ф. *Сочинения*. Т.14. С.196-221; его же. *Кавалерия* // Маркс К. Энгельс Ф. *Сочинения*. Т.14. С.296-325; его же. *Тактика пехоты и ее материальные основы 1700-1870 гг.* // Маркс К. Энгельс Ф. *Сочинения*. Т.20. М., 1961. С.655-662 и др.

⁴⁰ Энгельс Ф. *Анти-Дюринг* // Маркс К. Энгельс Ф. *Сочинения*. Т. 20. М., 1961. С.171.

⁴¹ Бескровный Л.Г. *Русская армия и флот в XVIII в.* М., 1958; Елифанов П.П. *Войско. Оружие. Крепости* // *Очерки русской культуры XVIII века*. Ч. 1. М., 1979. С.234-296; Золотарев В.А., Межевич М.Н., Скородумов Д.Е. *Во славу Отечества Российского*. М., 1984 и ряд др.

⁴² Каменский А.Б. *От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа*. М., 1999. С.74-75.

отечественных специалистов, то, как правило, со ссылкой на зарубежных авторов и без попыток проанализировать сущность этого явления применительно к отечественным условиям⁴³. Более серьезный подход к использованию концепции военной революции можно найти в последних работах уральского историка С.А. Нефедова⁴⁴. Однако и в этом случае концепция военной революции не стала предметом специального рассмотрения. По существу, первая серьезная попытка применить идеи Робертса к русским реалиям конца XV – начала XVIII в. была сделана В.В. Пенским⁴⁵. Т.о, можно смело утверждать, что, как и в случае с Турцией, изучение русского военного дела в эпоху позднего Средневековья – раннего Нового времени по существу, только-только начинается и здесь нас ожидают новые открытия⁴⁶.

Подводя общий итог всему вышесказанному, можно с уверенностью сказать, что оживленная дискуссия вокруг проблемы военной революции, начавшаяся пятьдесят лет назад, отнюдь не закончилась и продолжается и по сей день. Расширение поля исторического поиска и в географическом, и в хронологическом плане из-за возникших внутренних противоречий привело к своеобразному «разложению» прежде ясной и целостной концепции и, как следствие, способствовало жесткой критике основных тезисов «революционной» теории Робертса – Паркера и их последователей. Однако отрицать значимость выдвинутой М. Робертсом и усовершенствованной Дж. Паркером концепции только на том основании, что их «классическая» модель не «укладывается» в восточноевропейские реалии или слишком «растянута» во времени, преждевременно. Сама по себе картина военной революции, если рассматривать ее не как одномоментный акт, а как процесс, представляется более сложным и многоплановым историческим феноменом⁴⁷. Привлечение новых материалов, расширение территориального и временного кругозора позволяют надеяться на дальнейшее углубление знаний об истории военного дела на рубеже Средневековья и Нового времени и воздействии перемен в нем на изменения в политическом, социально-экономическом и культурном развитии мира в это действительно «осевое» время.

MILITARY REVOLUTION XVI-XVII c. IN THE FOREIGN AND RUSSIAN HISTORIOGRAPHY 2ND HALF XX – THE BEGINNINGS XXI CENTURIES

⁴³ Козляков В.Н. Служилый «город» Московского государства XVII века (от Смуты до Соборного уложения). Ярославль, 2000. С.118; Новоселов В.Р. Проблемы западноевропейской военной организации в эпоху раннего нового времени // Мир и война: культурные контексты социальной агрессии. М., 2005. С.27 и ряд др.

⁴⁴ Нефедов С.А. Первые шаги на пути модернизации России: реформы середины XVII века // Вопросы истории. 2004. № 4. С.33-52; Нефедов С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Екатеринбург, 2005. С.60-65; Нефедов С. А. Концепция демографических циклов. Екатеринбург, 2007. С.114-118.

⁴⁵ Пенской В.В. Военная революция в Европе и вооруженные силы России второй половины XV – XVIII вв.: от дружины к регулярной армии. М., 2004.

⁴⁶ См., например: Курбатов О.А. Организация и боевые качества русской пехоты «нового строя» накануне и в ходе русско-шведской войн 1656-1658 годов // Архив русской истории. Вып. 8. М., 2007. С.157-197.

⁴⁷ См.: Пенской В.В. Военная революция в Европе XVI-XVII веков и ее последствия // Новая и новейшая история. 2005. № 2. С.194-206.

V.V. PENSKOY

*The Belgorod state
university*

e-mail: penskoy@bsu.edu.ru

Throughout long time studying of warfare as component of culture of a human society remains on periphery of interests professional foreign and in particular Russian historians. It prevented to estimate it the valid influence of development of warfare on the state and society evolution which course was especially accelerated on a boundary of the late Middle Ages – early New Time. The fire-arms wide circulation has led to revolution in warfare. It has caused serious changes in the political, economic, social spheres at first the West European society, and then and its neighbours. The term «military revolution» for a designation of this overturn has been entered by the British historian M.Roberts in 1955. Since then the concept of "military revolution» has taken a solid place in the West European and American historiography, having found both the supporters and opponents. Discussion around this historical phenomenon promoted attention attraction to a problem of studying of war as culture phenomenon. In article are reflected the basic aspects of studying of a conception of military revolution and a present condition of a problem both in foreign, and in a Russian historiography.

Keywords: Europe and Russia in early New Time, military revolution, a Russian and western historiography about problems of development of warfare in early New Time.

